

Памяти Герцена

Социал-Демократ № 26, 8 мая (25 апреля) 1912 г.

Воспроизведено по изданию В.И. Ленин, Памяти Герцена, М., Политиздат, 1980

Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала. Поминает Герцена и правая печать, облыжно уверяя, что Герцен отрекся под конец жизни от революции. А в заграничных, либеральных и народнических, речах о Герцене царит фраза и фраза.

Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции.

Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество “пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников”, да прекраснодушных Маниловых. “И между ними, - писал Герцен, - развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раблепия”.

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и “очистило” его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля, Он понял, что она представляет из себя “алгебру революции”. Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из “Писем об изучении природы” - “Эмпирия и идеализм”, - написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом.

Эта “остановка” и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его “социализм” принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела. Этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, - к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея понять его классовой природы, Герцен.

У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий “надклассового” буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата. Доказательство: “Письма к старому товарищу”, Бакунину, написанные за год до смерти Герцена, в 1869 году. Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между мирозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с “проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину”. Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, к тому Интернационалу, который начал “собрать полки” пролетариата, объединять “мир рабочий”, “покидающий мир пользующихся без работы”!

Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен, тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен - основоположник “русского” социализма, “народничества”. Герцен видел “социализм” в освобождении крестьян *с землей*, в общинном землевладении и в крестьянской идее “права на землю”. Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве - вплоть до полинявшего народничества теперешних “социалистов-революционеров” - нет ни *грена* социализма. Это - такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее *революционность* буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы “социализма 48-го года” на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея “права на землю” и “уравнительного раздела земли,” есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения.

Революция 1905 года вполне доказала это: с одной стороны, пролетариат выступил вполне самостоятельно во главе революционной борьбы, создав социал-демократическую рабочую партию; с другой стороны, революционные крестьяне (“трудовики” и “Крестьянский союз”), борясь за всякие формы уничтожения помещичьего землевладения вплоть до “отмены частной собственности на землю”, боролись именно как хозяева, как мелкие предприниматели.

В настоящее время словопрения насчет “социалистичности” права на землю и т. п. служат только к *затемнению* и прикрытию действительно важного и серьезного исторического вопроса: о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о “соглашательской” (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен “Колоколом” Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, - если исследовать классовую борьбу, как основу “теорий” и учений, а не наоборот.

Герцен создал вольную русскую прессу за границей - в этом его великая заслуга. “Полярная Звезда” подняла традицию декабристов. “Колокол” (1857- 1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено.

Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к “верхам”. Отсюда его бесчисленные слащавые письма в “Колоколе” к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх.

Когда один из отвратительнейших типов либерального хамства, Кавелин, восторгавшийся ранее “Колоколом” именно за его *либеральные* тенденции, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против “насилия” и призывов к нему, стал проповедовать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его “тощий, нелепый, вредный памфлет”, писанный “для негласного руководства либеральничающему правительству”, на кавелинские “политико-сентиментальные сентенции”, изображающие “русский народ скотом, а правительство умницей”. “Колокол” поместил статью “Надгробное слово”, в которой бичевал “профессоров, вьющих гнилую паутинку своих высокомерно-крошечных идей, экс-профессоров, когда-то простодушных, а потом озлобленных, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли”. Кавелин сразу узнал себя в этом портрете.

Когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин писал: “Аресты мне не кажутся возмутительными ... , революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами”. А Герцен точно отвечал этому кадету, говоря по поводу суда над Чернышевским: “А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами”.

Когда либерал Тургенев написал частное письмо Александру II с уверением в своих верноподданнических чувствах и пожертвовал два золотых на солдат, раненных при усмирении польского восстания, “Колокол” писал о “седовласой Магдалине (мужеского рода), писавшей государю, что она не знает сна, мучась, что государь не знает о постигнувшем ее раскаянии”. И Тургенев сразу узнал себя.

Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все “образованное общество” отвернулось от “Колокола”, Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии. “Мы спасли честь имени русского, - писал он Тургеневу, - и за это пострадали от рабского большинства”.

Когда получалось известие, что крепостной крестьянин убил помещика за покушение на честь невесты, Герцен добавлял в “Колоколе”: “И превосходно сделал!”. Когда сообщали, что вводятся военные начальники для “спокойного” “освобождения”, Герцен писал: “Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам, вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых”. Когда полковник Рейтерн застрелился в Варшаве (1860 г.), чтобы не быть помощником палачей, Герцен писал: “Если расстреливать, так нужно расстреливать тех генералов, которые велят стрелять по безоружным”. Когда перебили 50 крестьян в Бездне и казнили их вожака Антона Петрова (12 апреля 1861 года) Герцен писал в “Колоколе”:

“О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их - и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри - темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо - твое освобождение”.

Имеется в виду восстание крестьян в селе Бездна Спасского уезда, Казанской губернии. Опубликование манифеста и Положений 19 февраля 1861 года об условиях отмены крепостного права вызвало разочарование и возмущение обманутых в своих надеждах крестьян. Они не поверили в подлинность оглашенного текста Положений и считали, что помещики и чиновники скрыли настоящие Манифест и Положения. Весной 1861 года в ряде губерний произошли крестьянские волнения. Наиболее крупным выступлением было выступление крестьян села Бездна. Движение возглавил молодой бездненский крестьянин

Антон Петров. Он умел читать и после изучения Положений объявил своим односельчанам, что нашел “настоящую волю”. Слух о “настоящей воле” дошел до соседних селений. По призыву Петрова крестьяне отказались ходить на барщину, вносить оброк помещикам, отказывались от подписания “уставных грамот”, которыми должны были быть определены размеры надела и повинностей, забирали из помещичьих амбаров хлеб. Волнениями было охвачено свыше 75 селений Спасского, Чистопольского, Лаишевского уездов Казанской губернии и смежных уездов Самарской и Симбирской губерний. Восстание в Бездне было жестоко подавлено. 12 (24) апреля 1861 года по приказу генерала Апраксина была расстреляна безоружная 4-тысячная толпа крестьян. По официальному донесению казанского военного губернатора министру внутренних дел, было убито и умерли от ран 91 человек, свыше 350 человек было ранено. 19 апреля (1 мая) был расстрелян Антон Петров. Из 16 крестьян, преданных военному суду, 5 были приговорены к наказанию розгами и заключению в тюрьму на разные сроки. Трагедия в Бездне вызвала широкий отклик в передовых слоях русского общества. Подробное описание безденской трагедии дал в “Колоколе” А. И. Герцен

Отсюда видно, как подло и низко клеветают на Герцена окопавшиеся в рабьей “легальной” печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных. Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х - он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции.

* * *

Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала - дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудил? Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями “Народной воли” Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. “Молодые штурманы будущей бури” - звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это - движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах.

Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; - учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; - учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*.